

3 мая 2017, 17:00

Торжественная церемония по случаю 72-й годовщины окончания
Второй мировой войны и освобождения концлагерей

Вступительное слово:

Детлеф Гарбе

Директор Мемориала бывшего концлагеря Нойенгамме

Приветственная речь

Карстен Брозда

Сенатор по культуре Свободного и Ганзейского города Гамбурга

Речь:

Иван Москович

Бывший узник, переживший концлагерь Нойенгамме

Отчет о деятельности форума «Будущее памяти»

Ивонэ Коссу-Альба

Дочь бывшего узника концлагеря Нойенгамме

Короткая презентация молодежного проекта

«Выскажись, защити свой выбор»

Музыкальное сопровождение:

Новый хор Гамбурга

Вступительное слово Детлефа Гарбе

Уважаемый господин сенатор, уважаемый господин Гауссот, президент Amicale Internationale KZ Neuengamme,

Дорогой господин Москович, Дорогая госпожа Коссу-Альба,

Уважаемые дамы и господа,

вместе мы думали о более, чем 42 000 погибших в концентрационном лагере Нойенгамме и его лагерях-филиалах, при возложении венков и цветов на месте бывшего арестанского бункера. Там были повешены сотни заключенных, и в 1942 году 448 советских военнопленных были убиты там при помощи ядовитого газа Циклон Б. Я благодарю вас за уважение, которым вы почтили жертв.

Я бы хотел поприветствовать вас всех от имени мемориала концлагеря Нойенгамме и «Amicale Internationale KZ Neuengamme» на этом мероприятии Свободного и Ганзейского города Гамбург, посвященном 72-й годовщине окончания войны и освобождения концлагерей.

Это мероприятие также напоминает нам об оставшихся в живых, которые не были освобождены от переживаний после концентрационного лагеря всю свою жизнь. Мы очень благодарны, что сегодня, через 72 года после окончания террористического режима национал-социализма, девять бывших узников концентрационного лагеря Нойенгамме и его лагерей-филиалов смогли принять участие в этом мероприятии, несмотря на то, что знаем, как много сил необходимо для длительной поездки в пожилом возрасте. Я хотел бы приветствовать Ливию Френкель из Швеции, Джоанну Фричковскую из Польши, Евгения Малыхина из Украины, Наталью Радченко из Беларуси, Хану Вайнгартен и Хаима Лисса из Израиля. Не так давно приезжали Арон Гросс и Натан Гроссманн из Мюнхена и Иван Москович, который вместе со своей женой Анигтой приехал из Нидерландов и поговорит с нами позже.

Многие члены семей бывших узников сейчас также среди нас. Так, например, Жак Сарет из Франции; сегодня утром он выступал у памятника «Кап-Арконе» в Нойштадте в качестве сына одного из тех 7000 заключенных, которые погибли на кораблях концлагерей в начале мая 1945 года, 72 года назад.

Многие родственники приехали вместе с ассоциациями из Бельгии, Франции и Нидерландов. Я хотел бы поблагодарить президента Amicale Internationale, Жана-Мишеля Гауссо, вице-президента Мартину Леттери из Нидерландов и Марка Ван ден Дрише из Бельгии за их плодотворное сотрудничество при подготовке памятных мероприятий.

Являясь представителем Сената Свободного и Ганзейского города Гамбурга, я хотел бы искренне приветствовать Председателя Управления по культуре и средствам массовой информации, сенатора Карстена Брозду. Мемориал является частью Вашего ведения, и

мы высоко ценим тот факт, что четверть года назад, сразу после Вашего назначения в качестве сенатора, Вы согласились выступить перед нашими гостями сегодня.

Мы также рады, что представители консульского корпуса, депутаты и представители христианских церквей, еврейской общины и других религиозных сообществ находятся сегодня среди нас. Мы приветствуем также участников Нового хора, который будет обеспечивать музыкальное сопровождение, а также молодых людей, которые участвуют в презентации радио-проекта «Выскажись, защити свой выбор» в сегодняшней программе мероприятий.

За финансовую поддержку мы хотели бы поблагодарить уполномоченных по культуре и средствам массовой информации свободного и ганзейского города Гамбурга, окружной совет Бергедорфа, Фонд местного сообщества земли Шлезвиг-Гольштейн, Фонд Хелен Мюллер-Даудерт, Фонд «Память, ответственность и будущее», а также партнеров по сотрудничеству для отдельных мероприятий, Фонд имени Фридриха Эберта и «Голем». Рабочая группа по церковной мемориальной работе и круг друзей Мемориала Нойенгамме поддерживали нас финансово и помогали сопровождать наших гостей. Я хотел бы также поблагодарить Оливера фон Врохема и его команду за подготовку мероприятий, форума «Будущее памяти», диалога между потомками жертв нацистских преследований и потомками нацистских преступников. Я также хотел бы поблагодарить всех остальных участников, переводчиков и волонтеров.

Я передаю слово Сенатору Господину Брозда.

Приветственное слово - сенатор д-р Брозда

Г-н Москович,
Пережившие концентрационный лагерь Нойенгамме бывшие узники,
Г-н Гарбе,
Дамы и Господа,

Я хотел бы поприветствовать вас от имени Сената Свободного и Ганзейского города Гамбург. Для нас большая честь и радость, что вы все сегодня здесь, на центральной торжественной церемонии в Мемориале бывшего концлагеря Нойенгамме. Вместе с Amicale Internationale KZ Neuengamme мы отмечаем 72-ю годовщину окончания войны и освобождения концентрационных лагерей. Важно сделать это здесь, на этом месте, которое, как никакое другое место в Гамбурге, представляет последствия расистского и дискриминирующего мышления национал-социалистов.

Многие оставшиеся в живых и их родственники снова приехали из Беларуси, Бельгии, Дании, Германии, Франции, Израиля, Нидерландов, Польши, России, Швеции, Чехии и Украины, и я благодарен им за это. Они, оставшиеся в живых, снова поднимают свой голос против забвения, они сталкиваются со своими собственными воспоминаниями и вопросами, задаваемыми молодыми людьми. Встреча с выжившими представляет для молодых людей особенный способ знакомства с последствиями национал-социалистического террора. Оставшиеся в живых говорят здесь не только о прошлом, но и о будущем памяти.

«Будущее памяти». Это название форума, проходившего в Мемориале последние пару дней, на котором обсуждалось будущее памяти на фоне недавних событий и политических кризисов. Как история насилия 20 века может способствовать укреплению прав человека и глобальных перспектив сотрудничества, а также предотвращению возрождения популизма и национализма? Как культура памяти может функционировать в будущем? Я с нетерпением хочу узнать о том, какие идеи были у участников и что обсуждалось.

Когда мы думаем о настоящем и будущем сегодня, зная, то, что мы знаем о прошлом, мы должны остановиться и подумать о тех, кто боролся с забвением в течение многих, кто скончались после нашей встречи в прошлом году.

Я хотел бы вспомнить Януша Каль. Являясь представителем польской ассоциации Amicale Internationale KZ Neuengamme, он занимал пост вице-президента более 20 лет. Два года назад Януш Каль выступил на торжественной церемонии в здании бывшего кирпичного завода по случаю 70-летия освобождения. В своей речи он вспомнил долгую борьбу за создание соответствующего мемориала. Давайте не будем забывать о том, насколько вклад выживших способствует развитию культуры памяти, какой мы видим ее сегодня. Потребовались десятилетия, чтобы свободный и ганзейский город Гамбург столкнулся с историей концентрационного лагеря Нойенгамме, и только в 2005 году был создан, наконец, тот Мемориал, который мы знаем сегодня.

Леди и джентльмены, сегодня, через 72 года после окончания войны и освобождения концентрационного лагеря Нойенгамме, мы подошли к точке, когда необходим предупреждающий голос. Всякий раз, когда утверждается, что сегодняшняя культура памяти изжила себя, я могу сказать только одно: это абсолютно неверно.

Наоборот: нужно помнить о необходимости оставаться начеку и полностью осознавать правые популистские тенденции, враждебность, направленную против определенных групп, и нападки на демократические ценности. Именно поэтому мне и понятно, в чем состоит наш долг: в интеграция вместо маргинализации. Мы должны принимать наше общество во всем его многообразии, со всем его прошлым и перспективами, мы должны слушать друг друга и воспринимать друг друга серьезно. Более того, мы должны побуждать тех, кто по разным причинам видит себя на обочине общества, принимать в этом активное участие.

Мемориалы, расположенные в таких исторических местах, как Мемориал бывшего концентрационного лагеря Нойенгамме, позволяют нам учиться на примерах истории. Отчеты о выживших и биографии бывших заключенных используются здесь в образовательных целях, фокусируясь на людях, которые пострадали в концентрационных лагерях. Это помогает молодым людям получить представление о нацистской эпохе. Чтобы способствовать этому, Мемориал начал использовать современные формы коммуникации. История концлагеря активно освещается не только здесь, но и посредством социальных сетей. Сотрудники всегда находятся в поиске новых форм культуры памяти и способов преподавания истории. Они беседуют с детьми и внуками бывших заключенных о том, какое влияние на их жизнь оказало тюремное заключение их родителей или бабушек и дедушек. Все это открывает новые перспективы для нынешних поколений.

В связи с этим я бы хотел упомянуть Мемориал *Hannoverscher Bahnhof*, который на следующей неделе будет открыт в *HafenCity* первым мэром Гамбурга. В дополнение к этому и при поддержке Мемориала бывшего концлагеря Нойенгамме в последующие годы будет создан документационный центр с упором на истории жертв, а также будет пролит свет на роль преступников, в частности государственных властей Гамбурга.

Я убежден, что необходимо работать над сохранением воспоминаний. Это не означает оглядываться назад, а наоборот - вперед, в будущее. Президент *Amicale* Жан-Мишель Гауссо, чей отец умер в лагере-филиале *Wöbbelin* в апреле 1945 года, выступил с мощной речью здесь, в Мемориале, в ноябре прошлого года по случаю немецкого Национального дня траура. Он призвал всех бороться с нынешними расистскими и экстремистскими тенденциями с решимостью «миролюбивых борцов за память». Я искренне присоединяюсь к этому призыву. Тот, кто призывает к повороту на 180 градусов в культуре памяти, которая развивалась в результате мучительного, многолетнего социального процесса обучения общению с прошлым, разрушает самые основы нашего национального самосознания, а также международного взаимопонимания. Это еще одна причина, по которой мы обязаны сохранять память сегодня, как никогда. Мы будем поддерживать важное место для воспоминаний и культуры памяти в нашем городе, рассматривая наше общее будущее, демократию и свободу.

Спасибо.

Иван Москович

Речь 3 мая 2017 года, 72-я годовщина окончания второй мировой войны.

Дорогие друзья, меня зовут Иван Москович. Я родился 91 год назад в бывшей Югославии, что ставит меня в группу сокращающегося числа выживших бывших узников нацистских концентрационных лагерей, которых, по некоторым оценкам, на сегодняшний день осталось немногим больше, чем 100 000 человек.

Я пережил 4 концентрационных и 2 принудительных трудовых лагеря во время Холокоста. Мне было 18 лет, когда я был освобожден в Берген-Бельзен. Моя история будет опубликована в этом году на немецком языке. Я считаю, что все истории оставшихся в живых разные и должны быть записаны и сохранены, но, к сожалению, для миллионов это никогда не произойдет.

Я и моя семья жили в городе Нови-Сад, Ujvidek на венгерском и Neusatz на немецком.

Мой отец был художником-дизайнером, у него была успешная фотостудия «Фото Иван» в Нови-Саде, названная в честь меня.

Мне было 15 лет, когда мое детство закончилось, и Холокост начался для меня и моей семьи. Югославия была разделена, Нови-Сад был оккупирован Венгрией в 1941 году. К тому времени Вторая мировая Война и убийства уже начались, но для нас, в Югославии, ужасы начались немного позже.

Вскоре кровожадные фашистские венгерские генералы устроили трехдневный геноцид в Нови-Саде, позже названный «Резней в городе Нови-Сад», бойней, которая потрясла весь мир в то время, в результате которой были убиты более шести тысяч невинных сербов и евреев. Среди них был и мой дорогой отец. После того, как они схватили его, моих дедушек и бабушек, мою мать и меня также увезли в длинную очередь дрожащих людей, которых привели на пляж Дуная для дальнейшего убийства. Мы были спасены буквально в последний момент, когда из Будапешта пришел приказ остановить убийство, но к тому времени более 6000 невинных людей были убиты вместе с моим Отцом. Были убиты десятки моих школьных друзей. Невинное гражданское население, дети и взрослые, выведенные на пляж, были выстроены в линию и расстреляны в спину. Были сделаны отверстия во льду, и тела выбрасывались через них. Позже, через несколько недель и месяцев, тела были вынесены течением по всему Дунаю.

К концу 1943 года Венгрия испугалась и начала переговоры с союзниками о капитуляции, но вскоре немецкие войска оккупировали Венгрию. Его фашистские антисемитские лидеры, сотрудничающие с национал-социалистами, начали планировать уничтожение 400 000 венгерских евреев и их предстоящую депортацию в Аушвиц.

Вскоре мы получили письмо с датой предстоящей депортации.

Во время долгой поездки на поезде в Аушвиц меня охватила внезапная ярость. Как все это могло случиться? Я думал, что ничто в мире не может быть хуже, чем быть выброшенным из вашего собственного дома, удаленным из вашей повседневной жизни и лишенным способности проявлять свою собственную волю, только чтобы быть убитым.

Эта ярость помогла мне пережить ужасные условия в лагерях почти до освобождения. Я считаю, что этот гнев был каким-то образом моим механизмом выживания, который долго работал.

Наш поезд отправился вечером и поздним вечером следующего дня мы прибыли в Аушвиц. Я шагнул в другой мир: Ад на Земле.

Я больше не видел своих дедушек и бабушек. После процесса отбора их отвезли в крематорий.

Я увидел высокие дымовые трубы, из которых валил дым. Один из капо сказал нам на идиш: «Не беспокойтесь. Вы не останетесь здесь надолго. Вы сбежите через этот дымоход».

Худшими были ужасные утренние построения - «переклички». заключенным приходилось стоять часами, иногда даже целыми днями, пока счет не начинался. Больных вытаскивали с нар, чтобы они принимали участие. Даже тех, кто умер ночью, нужно было приносить и подпирать, чтобы их можно было пересчитать.

Затем нас несколько часов пытали тем, что СС и капо называли «спортом» - ряд садистских упражнений или даже способов убийства, изобретенные СС или капо.

Нацистская система была разработана для обеспечения продовольственных пайков, достаточных для того, чтобы удерживать заключенного в живых в среднем три месяца, после чего узник должен был умереть с голоду, чтобы освободить место для новоприбывших.

Дальше следовали долгие месяцы тяжелой, убийственной работы в Аушвице а затем в Wüstegiersdorf, лагере принудительного труда, расположенном неподалеку. Моя спина была сильно повреждена тяжелыми рельсами. В январе 1945 года Аушвиц был эвакуирован и 60 000 заключенных пошли на запад, и я присоединился к печально известному «Маршу смерти» зимы 1945 из Аушвица, моей группе в Берген-Бельзен, находящейся на расстоянии 800 километров.

У меня не было ни пальто, ни одеяла. Охранники СС вели нас как сумасшедшие, мы больше не маршировали: нам приходилось бежать. Время от времени раздавались выстрелы. У СС был приказ расстрелять тех, кто не успевал.

Когда рассвело, мы были в нескольких милях от Аушвица. Каждые 50 метров в канавках у дороги лежали тела с брошенными одеялами. Я взял два одеяла и пару хороших ботинок.

Из этих 60 000 заключенных, которые шли на запад из Аушвица, одна треть - около 20 000 - умерла по пути. А для тех, кто выжил, выживание означало прибытие, голод, холод и истощение в разных местах по всей Западной Германии. Вероятно, худшая участь ожидала группу, в которой был я, всего около 10 000 человек, когда мы наконец прибыли в Берген-Бельзен.

Пятьдесят тысяч заключенных были в это время за колючей проволокой без еды и воды. Начал вспыхивать тиф, сотни людей умирали каждый день.

К счастью для меня, СС все еще нуждались в заключенных для работы. Спустя всего несколько дней в Берген-Бельзене был объявлен «отбор» 500 добровольцев в «хорошей» форме, что подразумевало любого, кто все еще мог стоять и ходить. Им все еще нужны были рабочие. Я вызвался без колебаний.

Нас набрали, чтобы очистить разбомбленную железнодорожную станцию в соседнем Хильдесхайме, красивом городе недалеко от Ганновера.

Наша задача состояла в том, чтобы освободить рельсы от взорванных вагонов, чтобы их можно было восстановить и использовать снова для перевозок на фронт и в другие места.

Мы работали небольшими группами, каждая из которых выделялась на расчистку небольшого участка вокруг и внутри вагона. Наши лопаты прорезали много слоев мусора, когда мы пытались освободить входы в вагоны. Моя небольшая группа обнаружила сгоревший сахар внутри нашей машины. Я, наверное, проглотил несколько килограммов сахара. Другие группы обнаружили в своих вагонах масло и даже яйца. Нам не разрешали покидать наши рабочие места с пищей, но нам все же удавалось делать это, рискуя жизнью, так как при обнаружении пищи, спрятанной под одеждой, для обмена по вечерам, нас расстреливали.

Сахар был очень ценным товаром. Обмен продуктами продолжался по ночам в течение нескольких ценных дней, спасших жизни.

Юный югославский мальчик, который спрятал сардины, был пойман и застрелен одним из охранников СС всего в нескольких сантиметрах от меня. Я тогда нес в моей одежде несколько килограммов сахара для последующего обмена. Мое лицо было покрыто кровью и мозгами юного мальчика.

Однажды я внезапно услышал странный усиливающийся шум и понял, что небо было заполнено самолетами. 280 бомбардировщиков Ланкастера прилетели, чтобы уничтожить Хильдесхайм. Они сбросили 400 тонн фугасных и 600 тонн зажигательных бомб.

Все произошло за несколько секунд. В тот момент мы все работали в железнодорожных вагонах, и всё вокруг и почти все вокруг меня были в огне: заключенные и немецкие охранники. Бомбы падали вокруг меня, слева и справа, когда я бежал от железнодорожного вокзала.

Группа охранников СС кинулась в соседнее бомбоубежище. Через минуту в него попала большая бомба – были убиты все немецкие солдаты и СС.

В течение двух следующих дней нас заставляли выносить мертвые немецкие тела из все еще горящих домов, помещая каждое тело перед входом в дом, из которого они были взяты, для облегчения идентификации. Обгоревшие черные тела были раздуты и абсолютно неузнаваемы. Странно было выполнять эту работу вместе с местным населением.

На следующий день из Хильдесхайма моя группа была отправлена в концентрационный лагерь Ахлем в окрестностях Ганновера. Нас отправили в подземную асбестовую шахту, СС расширяли ее, превращая ее в склад боеприпасов, который был бы в сотнях футов под землей, в безопасности при воздушных атаках. Задача состояла в том, чтобы сделать это как можно быстрее, и мы были истерично понукаемы сумасшедшими охранниками СС и капо, чтобы добиться этого, в то время, как они беспощадно убивали мою группу.

К тому моменту немцы, должно быть, знали, что война проиграна, но в марте 1945 года мы построили подземный завод для изготовления боеприпасов для их военных действий.

Ахлем был наконец эвакуирован 6 апреля 1945 года, и я покинул его, чтобы продолжить «Марш смерти» в Берген-Бельзен, второй раз, оставив после себя сотни мертвых и больных заключенных, оставшихся умирать в лагере Ахлем.

Из многих лишь около 400 человек прибыли в Берген-Бельзен: остальные не смогли поспевать за форсированным маршем и были расстреляны охранниками СС.

Когда я во второй раз вошел в ворота Берген-Бельзена, я понял, что вернулся в мир невообразимого ужаса, хуже того, что было раньше. В моем состоянии я чувствовал, наконец, что это неизбежный конец.

Вокруг были около 15 000 непогребенных трупов повсюду. Они также были сложены в кучи в нескольких бараках, заполненных до потолков, и вываливались из их входов. Трупы просто валялись повсюду, и после нашего приезда каждый день умирало все больше людей.

Среди мертвых, лежащих на земле, были сотни «мусульман», рабов, которые были при смерти последние часы или минуты своей жизни, угасающие или уже мертвые. Невозможно было точно определить, живы они или нет, потому что их глаза были открыты. Я не знаю, всегда ли смерть от голода происходит с открытыми глазами. Мои самые ужасные последние несколько дней в Берген-Бельзен были еще впереди.

Невозможно описать последние дни в Берген-Бельзен. Это было конечной стадией человеческих страданий, деградации, смерти и унижения.

СС знали, что война для них проиграна, и почти истерично пытались скрыть следы своих преступлений. СС поручили капо убрать тела, лежащие вокруг, и сбросить их в гигантские ямы.

В течение нескольких дней между капо и теми немногими заключенными, которые еще способны двигаться, была разыграна бесчеловечная игра в кошки-мышки. Однажды пойманные два или более заключенных были вынуждены затаскивать тела в ямы. Нам нужно было нарвать одеяла на тонкие полоски, связать ими руки и ноги трупа, а затем перетащить его в яму. Шум звонких костей на ухабистой земле был невыносим.

Меня снова и снова заставляли переносить следующее тело до поздней ночи.

В конце дня я понял, что не смогу продержаться еще один день.

Поздно ночью, когда нас отвели обратно в наши казармы, я остался сидеть на земле, выбирая место, покрытое трупами и «мусульманами». Я сидел так тихо, как мог, притворяясь «мусульманином».

Когда все группы узников были возвращены в казармы, уже стемнело. Много часов я прождал наступления темноты и пополз в ближайший барак с трупами. Я взобрался на вершину груды трупов, доходивших почти до потолка барака. Поверх трупов я уснул.

Возможно, я проспал день или два - или даже больше. Когда я проснулся, через вентиляционную щель я увидел, что несколько британских джипов осторожно въехали в мой барак. Я был свободен.

Последовали больницы, потом несколько месяцев реабилитации в Швеции. Затем я вернулся в Югославию, где я встретил свою Мать, которая раньше меня вернулась домой из Маутхаузена, освобожденного армией США.

Я устроился на свою первую работу в Югославии и даже получил медаль от самого Тито. Когда я закончил учебу, то эмигрировал в Израиль. В 1955 году я встретил мою дорогую Анитту, с которой вот уже 62 года я провожу жизнь как убежденный трудоголик в творчестве. Без нее меня сегодня не было бы с вами.